Миллионер, Париж и туфелька

Автор:
Юлия Бузакина

Миллионер, Париж и туфелька

Юлия Бузакина

Когда в жизнь простой девчонки вихрем врывается миллионер с обложки модного журнала, все летит кувырком. И даже если изначально мужчиной ее мечты был Андрей Доронин из юридического отдела, зазвездившийся красавчик Макс Волков никому не даст скучать. Перевернет вверх дном издательство, в котором она трудится, встряхнет размеренную жизнь собственного папаши. А еще – кажется, он без памяти влюбился…

Юлия Бузакина

Миллионер, Париж и туфелька

Глава 1. Оля

Я стояла у витрины магазина и во все глаза разглядывала платье на манекене. Не то, чтобы мне было нечем заняться, просто платье уж очень привлекло мое внимание.

Цвета розовой пудры, из воздушного шифона с плиссировкой сверху и струящейся вниз юбкой со сборкой, оно так элегантно облегало манекен, что у меня чесались руки его купить.

В следующую пятницу у меня на работе будет настоящий праздник – издательство «Книжкин Дом» празднует свое десятилетие. Платье будет очень кстати.

Я продолжала любоваться платьем, и предательская мысль о том, что я лукавлю, подтачивала изнутри. Платье было необходимо не только для банкета. Месяц назад в издательстве сменился глава юридического отдела: из Петербурга вернулся Андрей Доронин, и с тех пор мое сердце лишилось покоя.

Каждое утро Андрей приезжал на работу на своем роскошном белом автомобиле класса «люкс», поправлял стильный костюм в деловом стиле и уверенной походкой направлялся в сторону лифтов, а я провожала его полным безответных чувств взглядом.

Думаете, он брутальный накачанный красавчик, похожий на звезду Голливуда, и у него из кармана сыплются пачки долларов? Никак нет! Андрей – совершенно обычный мужчина. Он высокого роста, у него русые волосы и зеленые глаза. Вот только когда он улыбается, у него на щеке появляется едва заметная ямочка, и мое сердце медленно расплывается горячей лужицей. Я украдкой вздыхаю ему вслед и продолжаю заниматься графикой – ведь я совершенно не вписываюсь в его жизнь. К тому же, Андрей не любит блондинок. А я как раз полный набор его отрицаний – блондинка с голубыми глазами.

А еще – он мой бывший. И блондинок он невзлюбил после того, как мы расстались. Да, знаю, негоже сохнуть по бывшему, но ничего не могу с собой поделать. Наш роман завершился год назад, совершенно банально, без громких скандалов и измен. Просто в один день Андрей решил, что едет в Питер, покорять новые вершины. Я перестала вписываться в его планы.

Доронин уехал в Петербург, а я осталась здесь, в нашем южном городке с красивой набережной у грязной реки, по которой туда-сюда ходят прогулочные катера и медленно плывут длинные баржи.

Я почти смирилась с поражением, когда он вдруг внезапно вернулся в издательство. Конечно, я уже не та наивная глупышка, которую бросили, но иногда сердце не желает слушать голос разума, и мне не остается ничего иного, кроме как снова верить в чудо и совершать глупости.

…Итак, я стояла и смотрела на платье, уже представляя себя в новом наряде на банкете по случаю десятилетия издательства. С надеждой на восхищенный взгляд Андрея я украдкой взглянула на ценник, вздохнула и решительно шагнула вглубь роскошного магазина. Я куплю платье! И плевать, что оно стоит половину моей зарплаты. Доронину больше не нравятся блондинки? Что ж, мы это исправим! Главное – на празднике я буду выглядеть сногсшибательно.

Глава 1. Оля, или сначала любовь

Вот я и дома. Открываю дверь и оказываюсь в полумраке прихожей. Сжимаю вожделенный пакет с новеньким платьем, скидываю с ног туфли-лодочки на высокой шпильке. Размечтавшись, что Андрей пригласит меня на медленный танец, чудом умудряюсь не наступить на облезлый хвост Картошки – старого тощего кота неопределенного цвета и породы, развалившегося на коврике… и замираю.

– Сколько можно трепать мне нервы?! – слышен вопль отца из кухни.

Я настороженно прислушиваюсь. Мои светлые волосы, в беспорядке торчащие из еще утром аккуратной прически, щекочут нос, и я осторожно его потираю, параллельно пытаясь выяснить, что происходит, до того, как родственники пронюхают, что я уже дома.

Картошка тоже настороженно вытягивает длинные уши в направлении кухни.

Видимо, моя младшая сестра Маша что-то снова учудила. Ей пятнадцать, у нее бурно проходит переходный возраст, и после каждого Машиного приключения папа закрывается на лоджии, которую он гордо зовет рабочим кабинетом, и не разговаривает с нами.

– Зачем ты это сделала, я тебя спрашиваю?! – продолжает вопить папочка, и я удивлена, что бабушка до сих пор не прискакала из соседнего подъезда для поддержки вселенского возмущения.

Спустя несколько мгновений квартира взрывается трелью домофона. Ага, вот и бабуля. Как говорится, легка на помине! Да уж, что ни говори, а пришла я совсем не вовремя. Надо было остаться с менеджером по кадрам, моей единственной подругой Кирой, помочь ей разобраться с новой компьютерной программой.

Я продолжаю прижимать к груди вожделенный пакет и тихо крадусь к своей комнате. Мне удается скрыться за дверью как раз в тот момент, когда папа шаркает в прихожую, чтобы впустить бабушку.

Дверь моей комнаты распахивается, и на пороге я вижу Машку.

– Оля, ты дома?! – таращится на меня сестра. Я также удивленно таращусь на нее. Манькины роскошные длинные волосы, которые возводились на пьедестал нашей семьи долгие годы, нещадно срезаны в короткое каре и выкрашены в ярко-синий цвет.

– О. Мой. Бог… – прикрыв рот ладонью, бормочу я. – Где ты взяла синюю краску?!

– В салоне! Ладкина мама подобрала тон, – весело подмигивает мне сестренка.

Я закатываю глаза: Лада – закадычная подружка и одноклассница Маши. Мама Лады содержит салон красоты. Видимо, Машку совсем переклинило, если она решилась на такой эксперимент.

– Ты бы хоть о папе подумала! – шепчу я. – В этом году твой выпускной! А бабушка? Она же так мечтала, что тебе сделают прическу из длинных, роскошных волос!

– Да брось, Оля! Я единственная в классе, у кого длинные натуральные волосы с первого класса! А, между прочим, Кирилл обожает девушек с синими волосами!

Я снова закатываю глаза. Вот откуда ветер дует! Кирилл Волков – брутальный красавчик-брюнет из Машкиного девятого «Б», и он играет в юношеской сборной России по футболу. В общем, звезда школы. Странно не быть звездой, когда твой родной папа в недавнем прошлом играл за сборную Росси. Правда, теперь Волков-старший занимается бизнесом, и ему не до спорта – теперь у него свой собственный клуб. Только там не играют в футбол. Там танцуют стриптиз.

«Ночной клуб «Провинциалка» – приходи с друзьями, нас много!»

Да, вы не ослышались – это их рекламный слоган, который режет глаз на плакате у дороги. Понятно, что Машке с Кириллом ничего не светит. Но разве

можно ей это донести? В пятнадцать мир кажется совсем другим: розовым и ванильным, и там нет места грубой реальности, состоящей из разбитых сердец!

В гостиной послышались шаги, и бабуля бесцеремонно распахнула дверь. Такая уж у нас бабушка. Когда-то она писала детективы, и ее книжки хорошо продавались, теперь же она вышла на пенсию, ничего не пишет, зато носит джинсы и модные майки со стразами, красит волосы в «блонд» и курит тоненькие дамские сигареты. В общем, бабуля – та еще красотка, и даст фору нам с Машкой.

Позади бабушки маячил папа.

– И кто же он? – бабуля достала из кармана джинсов пачку сигарет, зажигалку и с любопытством причмокнула.

– В доме не курить! – вскинул руки наш родитель.

– Спокойно, Лёшик, – отмахнулась бабушка и вскоре воздух в комнате наполнился ароматом табака и ментола.

Лёшик, а вернее Алексей Петрович – наш с Машей папа, недовольно фыркнул. Он осуждал курение в любом его проявлении, но повлиять на бабушку у него никак не получалось.

– Ангелина Васильевна, это мой дом! Какой пример вы подаете девочкам?

– Да ладно тебе, – фыркнув, бабуля бесцеремонно высыпала содержимое моего жестяного пенала, превратила последний в пепельницу и подошла к окну.

– Так кто тот счастливчик, из-за которого ты порезала волосы? – приподняла тщательно подведенную черным карандашом бровь бабуля в сторону Машки.

Сестра скрестила руки на груди и покраснела.

– С чего ты взяла, что я сделала это из-за парня? —нахохлившись, поинтересовалась она.

Бабушка снисходительно ухмыльнулась.

– А разве нет?

– Это неважно, ясно?! – у Машки задрожал подбородок, за ним губы, она оттолкнула отца от двери, и быстро выбежала из комнаты.

До нас донесся вопль Картошки (видимо, ему таки наступили на облезлый хвост), а потом раздался хлопок входной двери. Маша сбежала.

– Как она могла? – растерянно пробормотал папа.

– Ой, Лёша, ну что тут удивительного? – произнесла бабушка и стряхнула пепел с сигареты в пенал. – Переходный возраст, он на то и дается, чтобы нервы родителям трепать. А еще, чтобы эксперименты ставить. Я, например, в пятнадцать лет пирсинг сделала. На губе, между прочим! Правда, меня из школы чуть не исключили, так что украшение пришлось снять.

Папа с осуждением посмотрел на бабушку и вышел из комнаты.

– Это Машка из-за Кирилла покрасилась, – сдала бабушке сестру я и аккуратно положила пакет с платьем на кровать.

– Из-за Волкова, что ли? – бабушка скривилась так презрительно, что на миг мне показалось, что она проглотила пепел от своей тонкой сигареты. – Смазливые красавчики всегда ветрены, а Маша еще в прошлом году ходила в хорошистках, и английскую школу с отличием закончила! Куда катится мир? Нет, чтобы на соседа, который с ней в английской школе учится в одной группе, внимание обратить, так нет же! Ей футболиста подавай!

– Ба, ей это не объяснишь. Кирилл – звезда, по нему умирают все девчонки в школе, начиная шестой и заканчивая девятой параллелью.

Я покачала головой и осторожно достала из пакета дорогое платье.

– Ух, ты! – воскликнула бабуля и, наконец, затушила сигарету в самодельной пепельнице-пенале в предвкушении чуда.

Приложив платье к груди, я повертелась перед огромным, на полшкафа зеркалом.

– Мне идет, ба?

– Идет, Оленька. Тебе все идет, – восхищенно закивала она.

– Я рада, что тебе нравится.

– Небось, дорогое, да?

– Ужасно дорогое! Половину зарплаты, как ветром сдуло…

Бабушка загадочно улыбнулась.

– Ну… и для кого купила?

– Для Андрея, – погрустнела я.

– Оля, ну, сколько можно?! – она сморщила лицо еще сильнее, чем когда я сказала про Волкова-младшего.

– Знаю, знаю… но иногда так хочется, чтобы мы снова были вместе!

– Клин клином вышибают, – хихикнула бабуля, и ее голубые глаза озорно сверкнули.

– Так все говорят. А ты попробуй, вышиби.

– Как долго ты будешь откладывать в долгий ящик свою личную жизнь? – покачала головой она.

Я улыбнулась своему отражению в зеркале.

– Обещаю подумать над этим вопросом перед сном!

Да, у меня нет никакой личной жизни. К сожалению, ничего серьезного после расставания с Андреем и не было. Когда на тебя падают заботы о младшей сестре, учеба и работа, на любовные романы, которых в обилии выпускает наше издательство, времени не остается.

Так что блондинка с голубыми глазами на самом деле является неприступной ледышкой. Увлечение Дорониным – моя единственная отдушина.

– Запомни, Оля – сначала любовь! Все остальное потом, – бабушка подняла вверх указательный палец.

Я усмехнулась.

– А как же твои слова Маше о том, что замуж надо выходить только за миллионера?

– Фу, забудь! Это я домашней наливки перебрала в прошлые выходные. Зачем тебе миллионер, если не будет любви? Любовь, Оленька, не продается! Ее невозможно купить!

Я украдкой вздохнула и посмотрела на свое отражение в зеркале. Снова фантазия понесла меня прочь из комнаты, в красивый ресторан, где на предстоящем банкете по случаю десятилетия нашего издательства я танцую медленный танец с Дорониным. Глупая мечта, которой, скорее всего, никогда не будет суждено осуществиться.

– Оля, мне тебе надо кое-что сказать, – резко оборвала мои фантазии бабушка.

Я аккуратно развесила платье на плечиках и присела рядом с ней на кровать.

– Что-то с папиным магазином?

– Хуже, Оленька. Намного хуже.

– Что может быть хуже?

– Алена возвращается.

– Как возвращается?! Почему?!

– С ней разорвали контракт.

Бабушка отодвинула пенал в сторону, и в комнате воцарилось гробовое молчание.

Алена – наша с Машей третья сестра. У нас общий папа и разные мамы. Много лет назад, еще до рождения Маши, у папы с мамой что-то не ладилось в отношениях, и он завел бурный роман с танцовщицей. Не просто с танцовщицей! Папу чуть не увела из семьи настоящая стриптизерша. В общем, в семью папу вернули, а вот в результате неуемной страсти на свет появилась Алена. Ее легкомысленная мать долгое время тянула из нашей семьи деньги на содержание девочки, а потом и вовсе сбежала заграницу с каким-то спонсором. Увы, Алена в чужой стране не прижилась. Я уже заканчивала школу, когда третья сестричка поселилась в нашем доме. Мне было семнадцать, ей пятнадцать, а Машке всего десять. Наша собственная мама очень сильно болела, и приезд Алены был совсем некстати. Папе удалось оформить ее в закрытый частный лицей, на полный пансион, но это нам мало помогло – спустя полгода Алену исключили из лицея за многократные нарушения режима, и она вернулась в наш дом.

А потом мы похоронили маму, и начался настоящий кошмар. Бабушка еще жила в Москве, переезжать не планировала, а на мои хрупкие плечи легло все сразу – выпускные экзамены, беспрерывно рыдающая Маша и невменяемое чудовище Алена.

Сначала бабушка приехала на полгода, поддержать меня перед поступлением. А потом, когда я не сдала вступительные экзамены, горько вздохнула, продала квартиру в Москве и переехала к нам навсегда. Часть денег с проданной квартиры пустили на оплату моего обучения: бабушка решила, что я заслуживаю хорошее образование. Себе она купила двухкомнатные апартаменты в соседнем подъезде, двумя этажами ниже.

Алена оказалась ничем не лучше собственной мамочки. После девятого класса она заявила отцу, что будет поступать в Московское хореографическое училище,

и растворилась в закате.

Мы ничего не слышали о ней почти три года. И вот, она решила вернуться?! Хотя, чему удивляться? Видимо, даже Москва не смогла переварить эту разгильдяйку.

Я посмотрела на бабушку и подумала, что, наверное, хуже уже ничего не может быть. В тот вечер я еще не знала, что может.

Глава 2. Макс

Как же мне нравился Париж! Нравились его милые улочки, нравился запах выпечки по утрам, нравился особый французский шик, архитектура. Я обожал прогуливаться под руку с матерью по его улочкам, а потом долго сидеть в нашей любимой маленькой кофейне рядом с площадью Тертр и болтать о делах.

Сейчас мы с мамой именно этим и занимались – сидели в нашей кофейне, пили горячий шоколад и с удовольствием уплетали горячие круассаны.

В кофейне было шумно. В начале сентября Париж полон туристов – ведь погода позволяет много гулять, а с Эйфелевой башни открывается прекрасный вид.

– Макс, – мама с укором смотрит мне в глаза. – Когда ты завяжешь со спортом?

– Никогда, – мычу с набитым ртом я.

Мама сверлит меня полным досады взглядом.

– Пойми, реклама одежды – серьезный бизнес! Твое лицо – наш козырь! Если тебе в очередной раз сломают нос, мсье Гратин не будет брать тебя в рекламу!

Я морщусь: терпеть не могу ее нравоучения! А мсье Гратина с его скучнейшей физиономией терпеть не могу еще больше.

Мне удается проглотить круассан, и я уверенно выдаю:

– Ма, я не могу уйти из бокса. Просто не могу, понимаешь?

– Не лги мне, Макс! Ты можешь! Это все из-за отца, верно? Он вбил тебе в голову, что без спортивных достижений ты никто?

– Не лезь, ма. Я здесь, рядом с тобой. Мсье Гратин сегодня увидит меня в целости и сохранности, и снимет очередную рекламу с моим участием. Все будет хорошо.

– Хорошо?! У тебя вывих запястья!

Мама злится, и от этого у нее на лбу появляется складка. Я мрачнею: не люблю, когда она расстраивается.

На самом деле она очень красивая: тонкие черты лица делают ее похожей на настоящую француженку, а светлые волосы и голубые глаза сведут с ума кого угодно!

А вот наши с отцом отношения – очень щекотливая тема. Он – бывшая звезда футбола, играл за сборную России и до сих пор считается идолом у фанатов.

Раньше он часто поднимал на нас с братом руку. На меня особенно, потому что я, его первенец, оказался не пригоден к футболу. Кириллу повезло чуть больше: в четыре года в секции для малышей он забил свой первый гол, и с того момента стал надеждой нашего не в меру агрессивного и тщеславного папочки-агрессора. Я же всегда был изгоем. Никакие победы в боксе не помогли мне купить его уважение, только легкую снисходительность.

Помню, как однажды после очередного боя на областных соревнованиях мне сильно досталось от соперника. Запрещенным ударом тот отправил меня в нокаут. Мне пришлось проваляться в больнице с сотрясением мозга, и мой папочка ни разу не пришел меня навестить. К проигравшим он всегда относился с презрением. Я не был исключением из правил.

Мама не выдержала, подала на развод. Судья давал время на примирение, но видимо, что-то треснуло, потому что на мировую мама не пошла. В итоге этот мрачный подонок подкупил судью, распространил в средствах массовой информации ложные сведения о том, что мама часто употребляет алкоголь, ведет аморальный образ жизни, и у нее отняли право видеться с Кириллом. Мне было четырнадцать, я уже мог сам выбирать, с кем остаться, а вот моему младшему брату повезло меньше. Запрет видеться с мамой надолго лишил его способности спокойно спать по ночам. Он просыпался и плакал, судорожно и горько, а я подолгу сидел у его кровати, мысленно представляя, как лучше убить нашего папашу.

Мне едва исполнилось восемнадцать, когда меня приметили на отборе для новичков и пригласили в Москву. Тренер советовал мне ехать, и я без сожаления покинул отчий дом. Мой младший брат остался с отцом. Конечно, Кирилл был его надеждой и гордостью, но какой ценой? Ему до сих пор запрещено общаться с мамой.

Моя мама держит в Москве элитное модельное агентство на двоих с подругой. Они подбирают моделей для рекламы одежды ведущих московских и французских брендов. Когда-то мама начинала моделью, потом встретила папу, и ее карьера закончилась. Мой предок – жуткий собственник. Он увез ее из Москвы, посадил дома и заставил заниматься семьей. Сейчас мама снова в модельном бизнесе. Только теперь она не ходит по подиуму, а подбирает модели для рекламы.

Вы будете смеяться, но когда я появился в Москве, мамина подруга положила на меня глаз.

«Нина, твой сын – настоящее сокровище! Он будет идеальной моделью для линии мужской одежды», – потирая ухоженные руки с идеальным алым маникюром, сверлила меня взглядом Вера.

Мама была категорически против того, чтобы я продолжал спортивную карьеру, и пела в унисон с подругой.

«Я не хочу видеть, как твое лицо отекает от синяков! Испорченное лицо – смерть для модели! Никто не купит фотографии, если на лице будет изъян!» – не раз голосила она.

Но я не мог позволить себе остановиться. Все мое детство, изо дня в день, отец внушал нам, что без спортивных достижений и кубков мы пустое место. Его слова, выжженные в сердце каленым железом, заставляли меня искать славы в боксе вновь и вновь. Изнуряющие тренировки, съемки в рекламе в свободное от спорта время – последние три года мой график был расписан по часам. В какой-то момент я вдруг почувствовал – внутри что-то сломалось. Сейчас вывих запястья в очередной раз выбил меня из спорта на четыре недели. Мы в Париже, и мама жутко злится.

В стеклянных дверях кофейни замаячил мсье Гратин. У него в руках благоухал милый букетик из красных роз и белых лилий. Наверное, только французы могут смешивать цветы так красиво.

Мсье Гратин уже год ухаживает за мамой. Ему почти пятьдесят лет, он владелец собственной фабрики по производству линии мужской одежды, и он души не чает в моей маме. Не знаю, чего ей не хватает. Выходи замуж, получи французское гражданство и живи в Париже в свое удовольствие! Но нет, маме нужна свобода.

Этих женщин не понять. Они слишком переменчивы.

– Макс, рад тебя видеть! – на чистом французском говорит мне мсье Гратин, и с нежностью целует маму в щеку.

– Взаимно, – киваю я.

Я умею говорить по-французски. Правда, не так хорошо, как моя мама, но все же сносно. По-крайней мере, Гратин меня понимает.

– Нина, сегодня вечером мы с тобой идем на один важный прием, – устроившись за столом рядом с мамой, заявил француз.

В моем сердце вспыхнула радость.

– Отлично, значит, я проведу вечер в гордом одиночестве!

– Нет, Макс, ты идешь с нами! – в голосе мамы зазвенел металл, и я с печалью отпустил едва успевшую вспыхнуть надежду. – Я хочу кое с кем тебя познакомить. Твои фотографии очень впечатлили одного известного модельера, и он хочет пообщаться с тобой вживую.

– Жаль. Я надеялся избавиться от вашего назойливого общества, – посмеиваюсь я.

– У тебя еще будет время побыть наедине с собственной персоной, когда ты вернешься в Россию, – хмурится мама.

Я согласно киваю. Знаю, через неделю мне придется вернуться. Ведь у моего младшего брата день рождения! Я не могу пропустить такое событие. Даже предстоящая тяжелая встреча с ненавистным отцом не может заставить меня отказаться от поездки домой.

…Вечером я тащился вслед за мамой и ее поклонником на деловой банкет. Нет ничего скучнее делового банкета у французов. Но здесь моя роль проста – кивать и улыбаться. Об остальном позаботится моя мама. Я – модель, она – мой агент.

Все проходит без сучка и задоринки. Похоже, скоро у меня появится новый контракт на рекламу верхней одежды. Мсье Гратин производит мужские костюмы, а вот его хороший знакомый, который заинтересовался моей персоной, мсье Анатоуль, создает модные мужские пальто. Они оба в восторге от моей мамы, и рядом с ней воркуют, как два старых ловеласа. Со стороны смотрится смешно.

Я с нетерпением жду окончания скучной вечеринки. Знаю, надо относиться с уважением к своим работодателям, но порой так сложно сдерживать свой нрав в угоду этикету!

После приема мама и мсье Гратин отправляются на прогулку по вечернему Парижу. О, боги, я наконец предоставлен самому себе! Достаю из кармана брюк сотовый и хмурюсь – три пропущенных вызова от брата. Обычно Кирилл не звонит просто так. Внизу, у пропущенных вызовов, болтается одно единственное сообщение Вконтакте: «Пожалуйста, приезжай поскорее, у меня проблемы! Папе о них говорить нельзя. Сам знаешь, каким он бывает».

Мое сердце начинает отстукивать бешеный ритм.

«Что случилось?» – судорожно набираю ответное сообщение. Звонить не решаюсь, отец может быть дома, а при нем Кирилл ничего мне не скажет.

Спустя пять долгих минут приходит ответ.

«Проблемы в школе. Если дойдет до папы, мне конец. Когда ты прилетишь?»

«В конце недели. После того, как отснимем рекламу в Париже».

«Ладно».

Больше сообщений нет, но я в жутком напряжении. Кириллу скоро исполнится шестнадцать. Самый опасный возраст. Я даже представить себе не могу, что он натворил в этот раз.

Увы, мне не остается ничего другого, кроме как расслабиться, и ждать. Вернуться в Россию раньше обозначенного в контракте срока у меня не получится.

Глава 3. Оля

Нет, что ни говори, а Доронин – настоящий красавчик.

Я стояла у автомата, выдающего кофе, и пыталась добиться сдачи. Автомат заклинило, и отдавать мне обратно тридцать пять рублей он отказывался наотрез.

Двери серебристого лифта открылись, и по ковровому покрытию мимо меня мягкой походкой прошествовал Доронин. Черный костюм и белоснежная рубашка подчеркивали строгость имиджа, но серый галстук в темную полоску был завязан слегка небрежно. Видимо, в это утро он торопился.

Этот неудачно завязанный галстук делал мужчину моих грез чертовски привлекательным. Руки чесались поправить изъян в его образе и коснуться тонкими пальцами тщательно уложенных русых волос.

Я затаила дыхание. Черная шелковая блузка сдавила грудь, и от мыслей о галстуке на миг мне показалось, что сердце начало отбивать дикую барабанную дробь в ушах.

Он заметил меня у автомата, его взгляд задержался на моей шелковой блузке, на ладно сидящей светлой юбке, и губы дрогнули в приветливой улыбке. О, боже, я не зря лишилась сдачи – она стоила того, чтобы увидеть ямочку у него на щеке!

– Доброе утро, – подмигнул мне Доронин.

Я растерянно улыбнулась в ответ.

Он заспешил дальше, с таким видом, будто каждое утро подмигивает всем девушкам подряд, а я осталась стоять у автомата, провожая его влюбленным взглядом.

Мой ступор длился еще пару секунд, потом раздался грохот падающей мелочи, и я вернулась к своему утреннему кофе. Да, мне явно ничего не светит с Андреем. И платье я зря купила. Надо смириться и вычеркнуть его из сердца.

Я вернулась в наш отдел как раз в тот момент, когда там появилась Воеводина. Мерзкая Анжелика Захаровна в белоснежном брючном костюме, ярко-желтых туфлях лодочках (как только шпильки не обломились под ее весом) и с жутко взбитой копной волос на голове зловеще уставилась на меня своими красными глазками.

– Что, Жданова?! Утро еще не началось, а ты уже перерыв решила устроить?

– Доброе утро, – едва слышно прошептала я и тихо прокралась к своему месту. Поставила стаканчик с кофе на стол возле компьютера и приготовилась слушать гневную отповедь.

Анжелика Захаровна Воеводина – наш босс. Вот кого я бы никогда не хотела видеть в своей жизни! Этой женщине ничего не стоит сравнять с землей всю предыдущую работу и разрушить твою самооценку до основания. Ей чужды понятия хорошего тона, а к нам она относится, как к рабам на галерах. Ей никто не может сказать ни слова против – ведь это ее старший брат создал издательство «Книжкин дом». В общем, что бы мы не делали, а стоит Воеводиной появиться на горизонте – жди катастрофы.

– Так, Жданова, раз ты решила сделать себе перерыв не в полдень, как у всех нормальных сотрудников, а в начале девятого, то тебе и оставаться сегодня после работы! К восемнадцатому сентября необходимо подготовить юбилейный лозунг. Мы издадим сувенирные экземпляры книг, выпущенные специально в честь юбилея издательства. Свободина я пошлю на передовую, а ты, будь добра, сбей обложки с юбилейным лозунгом и отправь их в верстку.

– Но как я справлюсь без Свободина?! – беспомощно посмотрела я в сторону нашего креативного дизайнера. Модный и цветущий, в сиреневой шелковой рубашке и облегающих синих джинсах блондин Петя Свободин пожал плечами.

– Ты справишься, Оля, – подмигнув, шепнул он. Оставаться и потеть над лозунгами в то время, когда все вокруг только и говорят о предстоящей выставке-ярмарке нашей продукции, пиар-менеджеру хотелось меньше всего.

Горестно подперев щеку рукой, я принялась сверлить взглядом монитор. Надо же было войти с пластиковым стаканчиком кофе именно в тот момент, когда Анжелика Захаровна решила выступить с речью! Теперь Петя будет наслаждаться осенним воздухом в городском парке, помогая на выставке, а я останусь в отделе до тех пор, пока не придумаю лозунг, который одобрит Анжелика Захаровна.

Я не мастер создавать лозунги к юбилею. Сделать красивую картинку, обработать ее в нужной графической программе и наложить шрифты – это я могу. Сверстать макеты и подготовить их к печати тоже могу. А вот мастер слоганов у нас Петя. На то он и креативщик, чтобы идеи выдавать. В общем, домой я вряд ли попаду раньше девяти часов вечера.

…В шесть часов я осталась один на один с монитором и попытками создать юбилейный лозунг. Ничего не приходило в голову. Петя Свободин был нужен

мне, как воздух.

Я потерла лоб и вновь подумала о спасительном стаканчике кофе, который встал поперек горла утром. Сейчас в здании почти пусто, и никто не сможет помешать мне насладиться напитком.

Я вытащила из кошелька сторублевую купюру и двинулась в сторону автомата.

Всунув купюру в купюроприемник, я принялась нетерпеливо ждать, когда же допотопный друг-автомат выдаст вожделенный стаканчик горячего напитка.

Увы, на этот раз автомат завис. Совсем. Он сожрал мои сто рублей, и не дал мне сдачу и кофе.

– Ах, ты, чертова жестянка! – в отчаянии всплеснула руками я и тут же почувствовала, как на кого-то натолкнулась спиной.

Я обернулась и обомлела – за моей спиной стоял Доронин.

– Прости, – окончательно смутившись, жалко улыбнулась я. – Этот автомат только что отнял у меня сто рублей и не выдал кофе.

– О, какая досада, я тоже хотел стаканчик «эспрессо», – Доронин внимательно посмотрел в мои полные отчаяния голубые глаза и уверенно шагнул к автомату.

– Эй, ты, мистер железное чудище! А ну, давай сюда кофе и сдачу!

Он с силой стукнул по нему ладонью, но автомат и не подумал выдать мою порцию кофе.

– Да, похоже, сегодня не мой день, – рассмеялась я.

– А знаешь, у меня есть растворимый кофе. Если у тебя имеется свободная минутка, можно попробовать включить электрический чайник.

Доронин смотрел на меня и улыбался, а ямочка на его щеке заставляла мое сердце биться быстрее.

– Правда? – не веря своему счастью, переспросила я. – И никто не станет возмущаться, что ты привел в кабинет сотрудника из другого отдела?

– Брось, кто будет возмущаться? Похоже, из-за этой шумихи с юбилеем в корпусе остались только мы с тобой.

Он продолжал улыбаться.

– Идем, Оля. По-моему, у нас в отделе даже шоколадные конфеты где-то завалялись.

– Ну, хорошо… – согласно кивнула я и зашагала следом за ним в сторону юридического отдела.

У юристов действительно было пусто. Вот кто никогда не остается после работы и не переживает о предстоящем юбилее! Пустые столы, небрежно задвинутые стулья и два маленьких кактуса на подоконнике.

Рядом с кактусами скучал видавший виды чайник.

– Покупать кофе в автомате намного проще, чем пытаться закипятить воду в этой допотопной посудине, – усмехнулся Андрей.

Он достал бутылку с питьевой водой, ловко вскрыл пробку и залил воду в чайник.

– А ты все также работаешь дизайнером? – шаря на полках в поисках банки кофе и кружек, продолжал говорить со мной он.

– Скорее, помощником дизайнера, – усмехнулась я. – В нашей команде всем заправляет Петя Свободин. Сегодня он в городском парке, помогает готовиться к юбилею издательства. А меня Анжелика Захаровна оставила разрабатывать лозунг на юбилей. Честно говоря, мне ничего не приходит в голову. Боюсь, мне никогда не видать повышения.

– Анжелика Захаровна – грозная женщина, – ухмыльнулся Андрей. Ему наконец удалось найти небольшую коробочку конфет «Вдохновение», и он поставил ее на подоконник рядом с угрожающе шипящим чайником.

Чайник щелкнул, и Андрей принялся разливать кипяток в обнаруженные ничейные кружки.

– Мне одну ложку кофе и две сахара, – глядя на допотопный чайник через его плечо, улыбнулась я.

– Я знаю, – подмигнул мне он и ловко забросил два кусочка сахара в кружку. – Сейчас будут конфеты.

Я замерла. Он помнит? Правда, помнит?

Будто маленькая девочка в ожидании сюрприза от доброго волшебника, я следила за тем, как Доронин вскрывает упаковку.

– Ох. Похоже, конфеты приказали долго жить, – разочарованно протянул он.

Я заглянула в коробку. Когда-то красивые конфеты растаяли, расплылись и застыли в полном безобразии.

– Да ладно, – я взяла ложку и потянулась к коробке. – Будем есть их, как десерт.

– Креативное решение, – рассмеялся Андрей и тоже взял ложку.

Как же давно я не слышала его смех! Кажется, прошла целая вечность с тех пор, как мы, крепко держась за руки, бродили по парку, и Андрей весело смеялся вместе со мной.

Мягкий, бархатный смех. Такой же, как и сам Доронин. Наше еще совсем недавнее, но уже прошлое, когда делиться было нечем, кроме самого дорогого – чувств.

Он отодвинул для меня стул, поставил передо мной кружку с горячим кофе и сел рядом.

– И как тебе работается в нашем издательстве? – испытующе заглянул в мои глаза Андрей.

Я пожала плечами.

– Нормально. Но нет ничего страшнее гнева Воеводиной. А ты ведь… перевелся совсем недавно?

– Ну, я бы сказал, на данном этапе я прохожу этап адаптации. Это как «назад, в будущее», только с точностью до наоборот – я шагнул назад в прошлое.

– А что заставило тебя поменять процветающий Петербург обратно на наш городок? – удивилась я.

– Иногда рядом с близкими становится тесно, – улыбнулся он. – Я решил попытать счастья в Питере. Что-то не сложилось, пришлось вернуться.

Я понимающе улыбнулась и потянулась ложкой к незатейливому десерту. Почему-то испорченные теплом конфеты напомнили мне наши с Андреем отношения: когда-то вкусные и красивые, а теперь растекшиеся лужицей шоколада и застывшие в неопределенной форме.

Доронин с интересом посмотрел на меня и тоже потянулся к десерту.

Мы соскребали ложками со дна коробки то, что когда-то было конфетами и пили кофе.

В какой-то момент что-то щелкнуло внутри, и у меня в голове сложился лозунг предстоящего юбилея.

– Придумала! – взглянув на Доронина, восхищенно произнесла я.

– Что придумала?

– Картинку и слова для юбилея! Надо срочно записать, иначе забуду.

Я выхватила ручку из стоящей на одном из столов круглой тубы. Доронин тут же подсунул мне клейкий стикер.

Я черкнула три важных фразы, которые боялась забыть, и сжала стикер в ладони.

– Мне надо идти, – неловко улыбнувшись, я поднялась из-за стола.

– Удачи с лозунгом.

Он тоже поднялся и теперь стоял так близко, что я ощущала едва заметный аромат его туалетной воды. Терпкая, с нотками цитруса, она отчего-то сеяла во мне панику. Его зеленые глаза внимательно изучали мое лицо, а губы еле сдерживались, чтобы снова не дрогнуть в улыбке.

– Тебе тоже.

У меня были все шансы подтолкнуть наши отношения к продолжению, просто коснувшись пальцами его руки, но отчего-то я струсила. Мне стало не по себе, я скованно улыбнулась и попятилась к двери, окончательно упуская призрачный шанс на новую волну взаимности.

– Оля! – когда я уже открывала дверь, окликнул меня Андрей. – Если ты освободишься через двадцать минут, мы можем заглянуть в «Карамельку». Обещаю настоящий десерт, без брака.

Он улыбался, и мое сердце дрогнуло.

– Хорошо. Через двадцать минут я буду готова.

– Я зайду за тобой.

Я кивнула и бросилась в коридор. Сердце отстукивало громкую дробь, и во всем здании не было человека счастливее меня.

«Карамелька» – уютная кофейня, расположенная рядом с издательством «Книжкин дом». Все сотрудники издательства любят сидеть там за чашечкой кофе или какого-нибудь ароматного коктейля.

Когда-то в «Карамельке» расцвел пышным цветом наш с Андреем роман. В общем, это милое местечко хранит приятные моему сердцу воспоминания. То, что Андрей снова позвал меня в нашу кофейню, дарило мне надежду.

Сотовый телефон на моем рабочем столе вибрировал раздраженной трелью. Петя Свободин пытался дозвониться до меня бесчисленное количество раз.

Я взяла в руки телефон и поморщилась. Вот сидишь весь день у телефона, и никто тебе не звонит, а стоит отлучиться на пятнадцать минут – и все, ты нужнее воздуха!

– Жданова, как у тебя обстоят дела с лозунгом? Анжелика Захаровна уже пеной извелась!

– Да будет вам лозунг, – буркнула я. – Через две минуты сброшу тебе сообщением.

– Я весь во внимании, Оля! Мне его еще корректировать придется! Ярмарка послезавтра!

– Посиди в парке на лавочке, еще минут пять.

– Я все лавки обтер уже!

– Ну, кофе себе купи.

– Кофе у нас только ты можешь позволить в рабочее время распивать!

– Рабочее время уже давно закончилось. Так что расслабься, – вбивая фразы в картинку, фыркнула я.

– Перед таким грандиозным событием оно не может закончиться даже ночью, Жданова!

– Ага, точно.

Я вбила сырые фразы и нажала «сохранить».

Да, кажется, сегодняшний день никогда не закончится.

Уже было почти семь часов вечера, когда Андрей замаячил в дверях нашего отдела. Девочки торопились домой, Свободин брал штурмом парк и Воеводину, пытаясь доказать нужность очередного пиар-хода, а я с нетерпением посматривала на часы, потому что больше всего на свете в этот момент ждала Доронина.

– Оль, привет, – Андрей неловко потоптался в проходе и шагнул к моему столику.

– Привет.

Сердце гулко застучало в висках, и я почувствовала, как щеки заливает предательский румянец.

– Идем в «Карамельку»? – сверкнул в мою сторону взглядом Доронин.

– Идем, – все еще не веря своему счастью, я взяла сумку.

Под любопытными взглядами еще не успевших уйти сотрудников мы вместе прошествовали до лифта.

Мы добрались до «Карамельки», и Андрей смело толкнул стеклянную дверь. Мы тут же утонули в ароматах кофе, шоколадных десертов и ненавязчивой музыки.

Заняв сводный столик в углу у окна, мы принялись рассматривать меню.

– Что ты будешь? – взглянул на меня Доронин.

– Мне чашечку «американо» и шоколадное пирожное с кайенским перцем.

– А я буду медовый «бамбл», – решил он.

Официант со знанием дела черкнул в блокноте наш заказ и чинно удалился.

– Как тебе наш город после долгого отсутствия? – поинтересовалась я.

– Простора маловато. И еще эта сквозящая из каждого поворота провинциальность…

Андрей печально вздохнул и уставился в окно.

Я потерла переносицу. Нет, все же он изменился. Раньше в нем не было того напускного высокомерия, которое проявлялось сейчас. Да и я, кажется, начинала рядом с ним скучать.

– Но когда рядом сидишь ты, мир становится чуточку краше, —зазвучал в ушах его голос.

Он повернулся ко мне и в очередной раз улыбнулся своей фирменной улыбкой с ямочкой. Мое глупое сердце растеклось горячей лужицей по столу и чуть не утонуло в принесенном официантом горячем кофе.

Мы сидели у окошка в кафе, неспешно пили кофе и медовый «бамбл», и мне казалось, что моя жизнь начинает налаживаться.

– А знаешь, Оль, отношения начинаешь ценить только после того, как их теряешь. Мне не хватало тебя в Питере, – повернулся ко мне он. – Может, завтра повторим нашу вылазку?

«Вылазка» получилась жутко скучной, но я не планировала отказываться от Андрея! В моих мечтах я уже танцевала с ним медленный танец в новом розовом платье, за которое отвалила приличную сумму.

– С удовольствием!

Он подмигнул мне и попросил счет.

Глава 4. Оля

«Ночной клуб «Провинциалка»! Приходи с друзьями, нас много!» – мигала вывеска у дороги. Я передернула плечами и с презрением фыркнула. Надо же было создать рекламную вывеску прямо перед пешеходным переходом!

Нет, я совсем не злилась. Я радовалась тому, что Андрей пригласил меня на свидание. Но вывеска у дороги мигала яркими огнями, зазывая практически в бордель, и это было возмутительно. Как будто у нас не обычный район с продуктовыми магазинчиками, базарчиком и двумя школами, а непонятно что! И куда смотрит полиция? Как можно было допустить рекламу клуба для взрослых?

Вывеска бы не раздражала меня так сильно, если бы она не напомнила о том, что дома, скорее всего уже царит прибывшая из Москвы сестрица Аленушка. Меньше всего на свете мне хотелось видеть танцовщицу из клуба, которую не пожелали терпеть московские владельцы.

Я купила в ларьке у нашей многоэтажки коробку утренних хлопьев «Фитнес» и торопливо зашагала в сторону подъезда. Поднялась на лифте на восьмой этаж, открыла дверь ключом и в следующий миг остановилась, не желая наступить на Картошку – любителя спать на коврике для обуви.

К моему удивлению, кота на обычном месте не было. Зато из гостиной мне навстречу со звонким лаем выкатилось странное мохнатое существо черного цвета. Размером существо было чуть больше ладони, но оно с такой яростью принялось кидаться мне в ноги, что я вскрикнула и отпрянула в сторону кухни.

Обезумевший от страха Картошка сидел на кухонном подоконнике. При появлении странного злобного мохнатика он зарычал и выгнул спину, отчего редкая шерсть встала дыбом.

«Зубастики наступают», – подумала я. Сразу же вспомнился отрывок из старого американского ужастика, который мы с Машей смотрели в начале августа, когда скучали в гостиничном номере у моря.

– Жужу, фу! – послышался из гостиной резкий девичий голос.

В следующее мгновение в дверях кухни появилась моя сводная сестра Алена.

Я с интересом уставилась на плод измены моего папы. Надо сказать, что плод похорошел: он имел в наличии длинные и черные, как смоль, волосы, чрезмерно пухлые губки, броский макияж, включающий нарощеные ресницы, длинные ногти фисташкового цвета, рваные до безобразия джинсы и облегающую округлую грудь черную майку со стразами. Ни дать не взять копия провинциалки с рекламного плаката у дороги!

– Оля, привет! – подхватывая на руки черное существо, улыбнулась Алена.

– Привет, – Я настороженно шагнула в сторону Картошки.

– Ваш кот такой злой! Он чуть не разорвал в клочья Жужу, – с обидой в голосе заголосила гостья. – Впрочем, надеюсь, скоро они подружатся с моей девочкой.

– Это… девочка? – приподняла бровь я.

– Ага. Моя самая лучшая на свете Жужу! – прижимая к выпирающей округлой груди рычащего мохнатика, заулыбалась Алена.

Я с подозрением уставилась на ее грудь. Что, и тут не обошлось без помощи хирурга?

– Что? – перехватила мой взгляд сестра.

– У тебя вроде грудь была меньше.

– Каждый устраивается, как может, – Алена пожала плечами.

– Ладно, это не мое дело. Я есть хочу, – махнув рукой на изменения в теле новоявленной сестренки, я открыла холодильник. – Бутерброды с колбасой будешь?

– Нет. Я такое не ем. Лучше выпью с тобой чаю.

– Отлично. Тогда поставь чайник.

Алена обиженно покосилась на меня.

– А разве я не гость?

– Если собираешься у нас жить, то нет.

– Ладно.

Вскоре мы с ней сидели за столом. Алена не ест колбасу? Еще как ест! Больше выпендривалась, набивая себе цену.

В самый разгар трапезы домой вернулась Маша.

– О-о, еда! – радостно воскликнула наша синеволосая младшая сестра, и, забыв помыть руки, бросилась к бутербродам, чуть не раздавив устроившуюся у ног хозяйки Жужу.

Псина угрожающе зарычала.

– Это что? – вытаращилась на подобие собаки Машка.

– Жужа, – устало махнула рукой я.

– Жужу, – поправила меня Алена. – Так, девочки, давайте договоримся. Я ненавижу делить с кем-то комнату. И спать в гостиной я тоже не люблю. Так что буду благодарна, если дальняя спальня достанется мне.

– Чего? – промычала набитым ртом Машка.

– Ничего! Поспи пока у Оли. Мне необходимо пространство. Я – личность творческая. Опять же, тренировки каждый день. Не могу же я шест в гостиной поставить.

– Ты что, стриптизерша? – вытаращила глаза Маша. – Настоящая?!

– Нет. Я просто танцовщица. За стриптиз, правда, платят намного больше, но папе об это знать не обязательно.

– Папа этого не переживет, – сглотнула слишком горячий чай я, отчего нёбо и горло тут же опалило болью.

– Нет! Нужно пространство – снимай квартиру! – зарычала взбешенная самоуправством новоявленной сестрицы Маша. – Дальняя комната – моя!

– Была твоя, стала моя. Пока вас не было, вещи я уже перенесла в соседнюю комнату. Так что, тебе даже собираться не придется, – Алена улыбнулась приторно-сладкой улыбкой и поднялась из-за стола. – Кстати, папа одобрил мою идею насчет вашего совместного проживания. Приятного вечера, девочки.

Машка отшвырнула недоеденный бутерброд и бросилась в сторону своей любимой дальней комнаты. За ней кубарем покатился звонко лающий черный зубастик. Опасаясь драки, я зашагала следом.

Эта крашеная и нарощенная со всех сторон мартышка действительно успела перетащить Машины вещи в мою комнату! Теперь у меня царил вселенский бардак: вещи и учебники стопками валялись, где попало – на моей кровати, на рабочем столе и даже на полу. Да кому я вру? Больше всего они были небрежно разбросаны по полу. И среди этого хаоса стояла хлопающая полными слез глазами синеволосая Маша.

– Я… я… папаааа! – заорала не своим голосом моя младшая сестра.

Отец не высовывался. Он тихо прятался в своем рабочем кабинете. Рабочим кабинетом мы называли просторную лоджию за гостиной, утепленную и оборудованную под потребности папиного бизнеса.

Машка, сопя, громко протопала в сторону отцовского убежища.

– Что это такое, папа?! – распахнув дверь, бесцеремонно ворвалась на лоджию она. – С каких пор мои вещи выбросили из комнаты?!

– Девочки… ну, постарайтесь ужиться, – как будто извиняясь, пробормотал отец. – Алена сказала, что ей для работы потребуется место. Я разрешил ей занять твою комнату. Это совсем ненадолго, ровно до тех пор, пока Аленушка не устроится и не найдет себе работу. Вам с Олей придется потесниться всего на пару дней.

– А может, Аленушке надо вести себя скромнее? – хмуро встала позади Маши я.

– Маша, тебе не обязательно переезжать к Оле. Можешь пока поспать в гостиной.

– Ну, уж нет! – сжала кулаки Машка. – Сами в гостиной спите! Только диван я тоже заберу! Пусть Алена себе раскладушку в «Икее» купит!

Спустя пару минут Алена, скрестив руки на груди, с презрением наблюдала за тем, как Маша двигает свой раскладной диван-трансформер в сторону двери.

Стало ясно, что дружбы между нами и новоявленной сестрой точно не будет.

Я представила, что сейчас эта махина займет остатки свободного пространства в моей комнате, и зажмурилась. Надо было что-то срочно предпринять. Что-то, способное спасти гармонию в нашей квартире, прежде чем она окончательно не рухнула.

Из ниоткуда материализовалась бабушка.

– Едрит мадрид, какой забавный у вас хомячок! – всплеснула руками она, когда рычащая и звонко лающая Жужа выкатилась ей под ноги. – Аленка, где купила, признавайся! Я тоже себе такого хочу!

– Это собака, ба, – устало вздохнула я.

– Собака?.. – подхватив на руки злобного зубастика, бабуля критично осмотрела его со всех сторон, а затем озабоченно заглянула в гостиную. Заглянула она туда именно в тот момент, когда Манька, пыхтя, толкала диван в сторону моей многострадальной комнаты.

– Маша, а что ты делаешь?

– Что, не видно? Я переезжаю! – буркнула сестра и продолжила толкать диван вперед.

Я беспомощно опустила руки и еще раз вздохнула.

– Постой, Маша, надо сначала место освободить, – и я пошла вперед дивана, разгребать сваленные на полу вещи моей новой соседки по комнате.

– Ну, отлично. Мари, спасибо за работу. Я бы все равно не стала спать на таком жутком диване. Софа из гостиной мне больше нравится, – раздался нам в спины насмешливый голос третьей сестры.

Мы даже не успели ничего возразить, как Алена подхватила новенькую софу – недавно приобретенную в кредит гордость нашей квартиры – и начала заталкивать ее в дальнюю комнату.

Обомлела от такой наглости даже бабушка.

– А как же теперь… телевизор в гостиной смотреть? – озадаченно посмотрела на Алену она.

– Да кому он нужен, этот телевизор? Это ж прошлый век! – фыркнула наша гостья и захлопнула у нас перед носами дверь.

Мы втроем – я, бабушка и Манька – растерянно стояли в полупустой гостиной и хлопали глазами.

Да уж, наглость – второе счастье!

Улеглись мы с Машей только к полуночи, когда нам удалось разобрать ее вещи и уместить их в моем шкафу. Мой рабочий стол отныне был столом Маши, а мне самой остался только ноутбук и кровать.

– Оль… – когда я уже засыпала, позвала меня сестра.

– Что еще?

– Мне твоя помощь нужна.

– В чем?

– В завтра в семь вечера родительское собрание, а я двойку по математике получила. Если папа пойдет на собрание, потом проблем от него не оберешься. Сходи на собрание вместо него, а?

– У нас ярмарка на носу! Под завязку будем на работе. Завтра вряд ли у меня получится не опоздать, – рыкнула я.

– Ну, пожалуйста, Оль.

– Ладно, придумаем что-нибудь. Постараюсь отпроситься. В конце концов, вызову такси.

– Спасибо, я твой должник, – сонно улыбнулась со своего дивана сестра.

Я горестно уставилась в потолок. Вот теперь мне точно еще долго не уснуть. Я училась в той же школе, что и Маша. И ее классную, Маргариту Михайловну, учителя истории, до сих пор видела в кошмарных снах. История всегда давалась мне с трудом, а в школе нет женщины страшнее заместителя директора по воспитательной работе и учителя истории Маргариты Михайловны. Если ты не знал историю, ты считался изгоем. Маргарита Михайловна попортила мне столько нервов, что встретиться с ней еще раз мне хотелось меньше всего на свете. Но Машка получила двойку по алгебре. Если не пойду я, то кто пойдет? Бабушка разругалась с Маргаритой Михайловной еще в мой выпускной год, так что на нее рассчитывать не приходится. Идти придется мне.

Глава 5. Оля

Следующее утро началось с маленькой лужицы посреди гостиной. Лужицу оставил никто иной, как Жужа. Видимо, сестрица Аленушка не догадывалась,

что собаку надо периодически выгуливать, дабы она делала свои дела не в квартире.

Лужица была последней каплей в чашу моего терпения.

Я грубо распахнула дверь дальней комнаты, где на нашей новенькой софе, уютно свернувшись калачиком, сладко спала Алена.

– Эй! Спящая красавица, просыпайся!

– Олька, ты что ли? Ты чего в такую рань приперлась? Половина седьмого только…

– Твоя собачка сделала лужу! Я не собираюсь за ней убирать! Иди и мой полы в гостиной!

– А чем ты докажешь, что это не твой кот? – усевшись на софе, ощетинилась сонная сестрица.

– Мой кот приучен к лотку! Ему слишком много лет, чтобы он вдруг ни с того, ни с сего начал гадить в неположенном месте!

– А ты разве не слышала о старческом слабоумии? – нагло усмехнулась Алена.

– Я слышала о том, что происходит с неугодными маленькими питомцами, – меня разрывало от возмущения. – Их случайно выбрасывают на помойку! Скорее всего, Жужу ждет участь несчастного бездомного песика. Интересно, как долго она продержится на мусорке среди свирепых бродячих собак? Ее сразу разорвут в клочья, или через пару часов?

– Какая же ты мерзкая, – прошипела Алена и сползла с софы.

– Иди и мой пол! – рыкнула я. С силой хлопнула дверью дальней комнаты и пошла к себе, одеваться на работу.

Вдохновленная вчерашним распитием кофе с Дорониным, я достала из коробки свои любимые кремовые туфли на шпильках, острые носики которых украшали

очаровательные бантики. Туфли и светлое платье, расшитое на высоком воротнике крупными бусинами – отличное сочетание. Может, с Андреем не все потеряно? Ведь растекшиеся шоколадной лужей конфеты на вкус оказались довольно приличными.

– Оль, собрание, – умоляюще взглянула на меня с дивана Машка.

– Хорошо, я постараюсь.

Конечно, именно собрания во главе с Машкиной грозной классной мне не хватало для полного счастья!

Хаос, творящийся дома, заставил меня прийти на работу раньше обычного. В холле на втором этаже было подозрительно тихо. Я обиженно посмотрела на старый кофе-автомат, и с гордо поднятой головой прошествовала мимо. Сегодня я в своих любимых туфельках, и ничто не сможет помешать мне сблизиться с Андреем.

– Оль! – высунулась из отдела кадров Кира и улыбнулась. Я заулыбалась в ответ. Не улыбнуться было невозможно – рыжие косички Киры, словно у школьницы, торчали в разные стороны, а карие глаза горели нетерпением поделиться какой-то новостью, и это было никак не скрыть. К тому же, Кира скоро собиралась в декрет, и ее округлившийся животик вызывал во мне бурю умиления. Пять месяцев назад она вышла замуж за второго юриста, Мишу Ковалева, и я была почетным свидетелем на небольшой красивой свадьбе. После свадьбы Кира и Миша уехали в свадебное путешествие в Сочи, и оттуда вернулись уже втроем. Теперь новоиспеченное семейство с замиранием сердца ждало пополнения.

– Привет, – я посмотрела по сторонам, и быстро ретировалась в сторону отдела кадров.

– Что сегодня будет! – сбивчиво зашептала Кира. – У нас появилась новенькая!

– Ух, ты, – я присела на край стула для посетителей и впилась глазами в улыбчивое лицо подруги.

– Не просто сотрудница! К нам пожаловала дочка Воеводиной!

– О, черт.

Меня передернуло. Мало нам одной Воеводиной, так теперь их будет две.

– Она пойдет к мамочке в помощники. Личным секретарем.

– К Воеводиной? Секретарем?

– Да. Училась на филфаке, но за прогулы ее чуть не исключили. Пришлось брать академ. И теперь Анжелика Захаровна хочет дочку на год хоть куда-нибудь пристроить. Чтобы опыта набиралась.

– Хорошо, что хоть не к нам в отдел, – покачала головой я. – Еще одной Анжелки Захаровны я бы не вынесла.

– А еще, угадай, что мне сказали на УЗИ? – загадочно заулыбалась Кира.

Беременные такие милые! Она так искренне улыбалась, и ее глаза светились такой неподдельной радостью, что мне захотелось ее обнять.

– У вас будет мальчик? – чуть наклонив голову вперед, тихо спросила я.

– Нет. Девочка, – сияя от счастья, шепнула мне в ответ Кира.

– Ух, ты, поздравляю, – что-то защипало в глазах. Надо же, у Киры будет маленькая дочка с такими же милыми рыжими косичками и улыбчивым личиком! А может, она будет похожа на Мишу. Нет, лучше пусть будет копией Киры. Миша далек от совершенства. У него слишком густые брови и совсем кривой нос.

К обеду тучи над моей головой начали сгущаться. Новоиспеченная секретарь Анжелики Захаровны с интересом терлась возле двери, ведущей к юристам, во всю заигрывала с Дорониным. Я чувствовала себя хуже некуда.

В обеденный перерыв в «Карамельке» краем глаза я заметила мужчину своей мечты, который в гордом одиночестве сидел у окошка и жевал отбивную с салатом. Заметив меня, Доронин улыбнулся и кивком позвал к себе за столик.

Я подошла к нему.

– Привет, Оля. Как твой лозунг к юбилею?

– Отправлен на доработку Пете Свободину и полностью переделан, – я уже хотела сесть рядом, как меня окликнула Кира.

– Оля, иди сюда! – оживленно помахала мне улыбчивая подруга, рядом с которой примостился муж и будущий отец маленькой дочки Миша.

Я виновато посмотрела на Андрея, развела руками и двинулась в сторону Киры.

– Как тебе наша новенькая? – весело посмотрел на меня сосед Киры.

– Ты о дочке Воеводиной? – фыркнула я.

– А о ком же еще? Эта милая особа бесцеремонно вошла в наш кабинет и начала поливать кактусы на окне. Их сроду никто не поливал, поэтому мы были жутко озадачены. Потом Доронин произнес вслух фразу о том, что кактусы следует поливать раз в полгода, и она ужасно смутилась. Кстати, как ее зовут хоть?

– Алевтина. – Кира спокойно поглощала свою булочку с корицей и запивала ее сладким молочным шейком. – О, легка на помине…

Я обернулась и увидела красотку Алю, которая, продефилировав по столовой походкой модели с подиума, изящно приземлилась рядом с Андреем.

Что-то оборвалось у меня внутри. Это же я должна была сесть к Андрею! Всего мгновение назад место было свободно…

Все еще не веря, что секунда промедления стоила мне места рядом с мужчиной моих грез, я медленно опустилась на стул напротив счастливых Киры и Миши, и принялась тыкать вилкой в принесенный услужливым официантом салат и запеченную куриную грудку.

– Оль, – Кира, загадочно улыбаясь, коснулась моей руки. – Мы с Мишей хотим, чтобы ты была крестной нашей девочке. Ты согласна?

– Ой, правда? – я удивленно захлопала глазами. – Я действительно вам подхожу?

– Конечно. Ты же моя лучшая подруга! – сжала мою руку Кира.

Миша, глуповато улыбаясь, закивал в унисон с супругой.

И только весело воркующая рядом с Дорониным дочка Воеводиной испортила всю торжественность момента. Похоже, не одна я запала на улыбку с ямочкой. Теперь продвинуться в отношениях с Дорониным мне не помогут даже мои любимые туфли.

Рабочий день подходил к концу, и я торопливо собирала бумаги на своем рабочем столе. Опоздать на родительское собрание мне хотелось меньше всего на свете.

По коридору вальяжной походкой шествовал Андрей. К лифту мы подошли почти одновременно.

– Позвольте вызвать для вас лифт, мадам, – улыбнувшись мне, Доронин нажал кнопку вызова.

Я шумно втянула в себя воздух. Нет, надо что-то делать со своими чувствами.

Стоило мне снова подумать о том, что еще не все потеряно, как из кабинета Воеводиной выпорхнула ее дочка.

– Подождите меня, пожалуйста!

Она приветливо подскочила к нам, оттеснила меня в сторону и встала рядом с Дорониным.

Я потеряла дар речи.

Серебристые двери распахнулись. Лифт был полон. Сотрудники из других компаний, расположенных в том же здании, что и наше издательство, торопились покинуть рабочие места.

– Андрюш, подождем следующий лифт? – кокетливо посмотрела на мужчину моей мечты Аля.

Да что же это такое происходит?!

Увы, время было не на моей стороне, и я, со злостью отпихнув Доронина от лифта, втиснулась в толпу.

Мужчина моих грез успел только пожать плечами, и стальные двери захлопнулись.

С гордо поднятой головой я стоически игнорировала недовольное фырканье счастливчиков, которым уже удалось попасть на борт, и старалась не думать о своих чувствах к Андрею, но мое сердце болезненно ныло. Он остался по другую сторону лифта, и тоскливое предчувствие того, что наши отношения также остались в прошлом, не давало мне покоя.

Своей машины у меня не было, вызывать такси после того, как потратила большую часть зарплаты на платье, казалось неразумным, и я также стоически втиснулась в переполненное в час пик маршрутное такси. Впереди меня ждала встреча с Маргаритой Михайловной, Машкиной классной.

На родительское собрание я опоздала, и остальные родители уставились на меня осуждающими взглядами. Свободных мест тоже не нашлось. Только одно, на самой задней парте в третьем ряду. Я посмотрела на сидящего за партой мужчину, и про себя усмехнулась – там тоже сидел далеко не папа девятиклассника.

Никто из замученных работой и подростковыми проблемами родителей не решился сесть рядом с хамоватым красавчиком и, похоже, это место досталось мне.

Широкие плечи, спортивная выправка, красиво изогнутые густые темные брови и точеный профиль кричали о том, что в школе, скорее всего, от этого нагловатого симпатяшки в свое время умирали все девчонки, начиная первым и заканчивая одиннадцатым классом. Ни дать ни взять, звезда с обложки журнала.

Он вальяжно развалился на всю парту и вытянул вперед длинные ноги в модных джинсах. Де верхние пуговицы его белоснежной рубашки были расстегнуты, а взгляд, направленный в мою сторону, сквозил напускным высокомерием. Естественно, красавчик даже не шевельнулся, чтобы освободить для меня часть парты.

Он не на ту напал. Я была совершенно не в том настроении, чтобы растеряться, и просто грубо толкнула его длинные ноги коленом, тут же плюхнувшись на единственный свободный стул рядом с ним.

Ой, кажется, милашка потерял дар речи. Его карие глаза возмущенно впились сначала в мои туфли с бантиками, а потом медленно поползли вверх, остановившись на уровне моего подбородка. Не дожидаясь, когда наши взгляды пересекутся, я брезгливо передернула плечами и повернулась к Машкиной классной.

Интересно, кто это?

Спустя пару минут начали раздавать табели успеваемости за первые недели сентября, и все стало на свои места.

– Кирилл Волков, двойка по истории, – восхищенно зыркнула в сторону нашей парты Маргарита Михайловна. Ее необъятные, как и у Воеводиной, телеса задвигались под видавшим виды выцветшим джемпером, качнули плиссированную юбку, и она, подойдя к парте, шлепнула перед вальяжным красавчиком табель.

Я усмехнулась. Ну, конечно! Волков, по которому умирает моя Машка. Судя по виду сидящего рядом хамоватого красавчика, он был Волковым-средним. Старшим он быть никак не мог, старшего я отлично знала. Тот еще экземпляр потасканной мужской привлекательности. Владелец стриптиз клуба «Провинциалка» без охраны не ходит.

Мое торжество длилось всего пару секунд. Следом Маргарита Михайловна громогласно объявила:

– Жданова, две двойки по алгебре! – и шлепнула листком у меня перед носом.

Мы с красавчиком пялились в двойки наших младших сестры и брата. На миг мне показалось, что это я, а не Машка, получила двойку по алгебре. От ужаса перед грозной Маргаритой Михайловной мне захотелось заползти под парту. Увы, там все пространство заняли длинные ноги в джинсах, и мне ничего не оставалось, как продолжать сидеть и пялиться в табель.

Поднимать глаза на осуждающих нас родителей и классную руководительницу хотелось меньше всего на свете.

– Слышь, а ты что, мама? – раздался шепот у меня над ухом. Хриплый и насмешливый, этот шепот выдавал неудачного юмориста с головой.

– А ты папа? – впившись ледяным взглядом в наглеца, шепнула в ответ я.

– Не, я брат.

– Вот и я не мама.

– Но ты и не брат, это точно, – раздался у меня над ухом хрипловатый смешок.

– Как видишь, не брат.

Он издевался надо мной, и мне жутко захотелось его ущипнуть. Не знаю, что на меня нашло. То ли реклама их ночного клуба, которая достала, то ли заехавшая в нашу квартиру Алена со своим зубастиком. В общем, в следующий миг я просто больно ущипнула Волкова-среднего за привлекательно обтянутое джинсами бедро.

Мерзавец не ожидал такой атаки, и шумно дернулся, чуть не свалившись со стула. Спустя мгновение на нас уставился весь класс.

– Та-ак, дорогие мои! – впилась в нас звериным взглядом Маргарита Михайловна. – Вы зачем сюда пожаловали, а?! Я черным по белому написала – прийти родителям! Вы родители?! Нет! Пришли сюда покрывать своих нерадивых брата и сестру?! Так у вас ничего не получится! У нас выпускной на носу! ОГЭ! А у Волкова и Ждановой двойки!

– Они исправят, – сверля меня обиженным взглядом, пробурчал Волков-средний.

– Чтобы завтра в восемь часов утра на пороге школы стояли ваши отцы! И Волкова, и Ждановой! Ясно вам?! – Маргариту Михайловну трясло.

– Ясно, – пропищала я.

– А теперь встали и вышли отсюда!

Мы растерянно переглянулись. Она выгоняет нас с собрания?

– Вон, я сказала! Оба! И завтра родителей в школу мне! – Маргарита Михайловна заорала так, что мне показалось, сейчас лопнут барабанные перепонки.

Мой сосед обомлел.

– Это… вы серьезно, что ли? – удивленно приподнял красивую бровь он. Видимо, милаха не заканчивал нашей школы и не знает, кто такая Маргарита Михайловна.

– Да! Покиньте собрание немедленно!

Я бы продолжала сидеть на своем месте, да только Волков-средний шумно поднялся со своего места, вмиг став чуть ли не в два раза выше классной, и потянул меня за локоть.

Я возмущенно впилась в него взглядом, но он, вместо того, чтобы отпустить, дернул меня к себе.

«Мы с тобой не договорили! – кричали его карие глаза. – Никому не позволено щипать меня за бедро и выставлять идиотом перед всем классом!»

Мы так и вышли в полумрак коридора – Волков, своей уверенной, спортивной походкой, и я, спотыкающаяся на каблуках своих любимых туфель с бантиками, потому что он волок меня следом за собой, не давая ни единого шанса избавиться от его общества.

Глава 5. Звезда

Как только мы оказались в полумраке обшарпанного школьного коридора, мой товарищ по парте тут же припер меня к стене.

– Слышь, ты че дерзкая такая? – совсем, как в старой, заезженной песне, рыкнул он.

– А нечего надо мной насмехаться, – фыркнула я. – И вообще, руки от меня убери. А то я и еще раз ущипнуть могу.

– Да что ты? – он крепко прижал мои руки к стене. В полумраке его глаза казались мне почти черными, и в них сквозил вызов.

– И что же ты меня не щиплешь?

– Отпусти руки, и ущипну.

Мне вдруг стало смешно. Мы с этим здоровенным детиной вели себя так, будто сами учились в девятом классе. Если бы Маргарита Михайловна открыла дверь, она бы потеряла дар речи.

– А если не отпущу? – его чуть пухлые губы дрогнули в улыбке. Видимо, милаху тоже развеселило наше развлечение под дверью кабинета, в котором проходило собрание.

– Тогда я больно наступлю тебе на ногу шпилькой моей туфли, – я подмигнула и улыбнулась ему в ответ.

– Да ладно. Что могут эти хрустальные туфельки с бантиками?

Я ничего не ответила огромному симпатяшке на его скептичное изречение. Просто с размаху стукнула шпилькой по его правой ноге.

– Ай! – он тут же выпустил мои руки. – Ты…а ну, стой!

Но я уже неслась вниз по темной лестнице к выходу. Оставаться один на один с этим жутко симпатичным громилой мне хотелось меньше всего на свете. Не хватало еще завести знакомство! Мало мне рекламной вывески у дороги от этой веселой семейки?

Оказавшись у дома, я позволила себе перевести дух, и до подъезда пошла медленнее. Честно говоря, Волкова-среднего мне было даже немного жаль. Сломать я ничего не сломала, но нога будет долго болеть. Надеюсь, мы с ним больше никогда не встретимся.

– Прости, Маш, ничего не вышло, – горестно вздохнула я с порога.

– Вау, – померкла синеволосая сестра в дверях кухни. – А я наделала горячих бутербродов с ветчиной и салатом. Идем в комнату, там расскажешь.

– Идем, только руки вымою.

Когда я вышла из ванной комнаты, Машка с Картошкой уже закрылись в моей комнате.

Это был своеобразный бунт против Алены. Мы не желали делить с ней и ее Жужей вечернюю трапезу. Просто забрали горячие бутерброды, салат и чай в комнату, и плотно захлопнули дверь.

– Ты не ходила на собрание? – подсовывая развалившемуся на рабочем столе под лампой коту кусочек ветчины, осуждающе посмотрела в мою сторону сестра.

– Ходила. Только Маргарита Михайловна выгнала меня из класса.

– За что?! – черные, как уголь, брови сестры поползли вверх.

– Я ущипнула брата твоего Кирилла за бедро, он подпрыгнул, все на нас обернулись… ну, в общем, с собрания нас с ним вытолкали взашей.

– На собрание приходил его брат?! – глаза Машки загорелись неподдельным восхищением.

– Ага, – кивнула я.

– Он красивый?

– Да, очень красивый. Высокий, спортивный. Глаза карие. Знаешь, если бы я училась в школе, непременно бы запала на него.

Машка закатила глаза, и мы рассмеялись.

– Все в школе только и говорят про Макса! Он недавно из Парижа прилетел. У него отпуск, вроде, восстановление после травмы, и он решил помочь отцу с делами.

– Тоже футболист? – поморщилась я.

– Нет. Боксер.

– О, боже… и как он мне шею не свернул в коридоре? – я испуганно глотнула горячий чай.

– Говорят, у него от девок отбоя нет! И порисоваться он любит. Журналисты за ним носятся. У него недавно «Космополитен» интервью брал, и его фото на обложке красуется. Сейчас покажу!

Глаза Машки горели возбуждением и диким интересом. Она щелкнула мышкой, экран ноутбука загорелся, и вскоре перед моими глазами предстал образ уже знакомого брутального красавчика, вальяжно развалившегося на белоснежном кожаном диване.

Ух, ты…

«Макс Волков – восходящая звезда российского бокса. После полученной травмы был вынужден взять длительный отпуск, чтобы восстановить свое здоровье.

– На данном этапе для меня очень важна поддержка семьи. Я возвращаюсь в свой родной город».

Надо же, звезда российского бокса вернулась домой за моральной поддержкой, а его, мало того, что выгнали с родительского собрания, так еще и я отдавила ему ступню!

Я отдавила ступню восходящей звезде российского бокса?! Супер просто!

– Видела? – восхищенно выдохнула Маша. – Вот с кем ты сегодня познакомилась. Я девчонкам расскажу, что ты его ущипнула, они будут в восторге!

– Надеюсь, он не станет поджидать меня в темном переулке, чтобы свернуть шею в отместку за нанесенный удар по ноге, – сконфуженно пробормотала я.

– Кстати, он еще и миллионер ко всему в придачу.

– Что, боксерам платят такие хорошие гонорары? – усмехнулась я.

– Нет, он снимается в рекламах. Его мама имеет собственное модельное агентство в Москве, да и внешка у него подходящая. Брутальный красавчик, еще и боксер. За последние два года он даже у французов в рекламе линии одежды для мужчин снимался.

– Откуда ты все это знаешь? – поморщилась я.

– Как же? В статье написано! – ткнула мышкой Манька в расплывающиеся у меня перед глазами буквами колонки из «Космополитена».

– Ладно, пусть восстанавливает здоровье и моральный дух. Думаю, в ночном клубе «Провинциалка» его быстро приведут в норму папочкины танцовщицы.

– Не думаю, что Максу это интересно, – фыркнула Манька. – Это совсем не его уровень.

Я снова хмыкнула, презрительно и недоверчиво, и мы принялись за еду.

На следующий день с восьми утра мы с Петей Свободиным торчали в городском парке на ярмарке-выставке в честь юбилея нашего издательства. Бейджики, доброжелательные улыбки – мы с Петей представляли нашу продукцию с

юбилейным логотипом. Чего здесь только не было! Фэнтези, остросюжетные детективы и любовные романы зазывали покупателей и любопытных яркими обложками. В подарок к каждой покупке прилагался набор закладок с логотипом издательства. Надо сказать, реклама и желание получить подарочный набор закладок работали отменно, и народа топталось у прилавка с книгами видимо-невидимо.

В полдень нас должны были сменить другие сотрудники, а пока мы с пиар-менеджером отвечали на вопросы и раздавали наборы.

– А что, внутри книжка такая же занимательная, как и облога? – услышала я насмешливый вопрос совсем рядом, и подняла глаза.

Сквозь стильные темные очки нахальным взглядом на меня пялилась звезда российского бокса. Верхние пуговицы на черной рубашке были расстегнуты, ладно сидящие модные джинсы притягивали взгляд, и было ясно без слов, что перед прилавком появился Макс Волков с обложки вчерашнего «Космополитена». В руках он вертел какой-то эротический роман с очень откровенной картинкой.

– Конечно, конечно, – тут же принялся убеждать его Свободин. – Видите, красные циферки «18 плюс»? Вашей девушке обязательно понравится этот роман. Не роман, а практическое пособие по соблазнению!

– Вот как? – Волков приподнял свою красивую бровь и с дерзкой улыбочкой уставился на меня.

Мне стало жутко неловко. Покраснев, я отвернулась к пожилой даме, желающей приобрести два тома «Унесенных ветром». Упаковав не умирающую историю Ретта Батлера и Скарлетт, я вручила даме набор закладок, и долго слушала ее хвалебную речь в адрес Маргарет Митчелл. Я кивала даме с надеждой на то, что Волкову надоест торчать у нашего прилавка с развратной книжонкой неизвестного автора, и он удалится восвояси.

Видимо, моим чаяниям было не суждено сбыться.

– Скажите, красавица, это пособие по соблазнению помогло вам хоть немного улучшить отношения с парнем? – нагло оттеснив заливающуюся соловьем даму в

сторону, перешел в наступление Волков.

– Не знаю… – стушевалась я.

– То есть, вы его не читали? А как вы можете продавать то, что сами не испробовали?

– Оля создает обложки. Она не пишет текстов, – вступился за меня Свободин.

– Оля, значит? – Волков с вызовом пялился на меня, вертел в руках яркую книжку с откровенной картинкой и не собирался уходить.

Дама с пакетом «Унесенных ветром» замерла в любопытстве.

– А можно и мне такую книжечку? – с благоговением таращась на цифры «18 плюс», проговорила она.

– Конечно, конечно! У нас целый стеллаж любовных романов! – Петя взял даму за плечи и подвел к книгам. – Только посмотрите, что здесь есть!

Мы с Волковым остались друг против друга.

– А что, нога уже не болит? – стараясь больше не краснеть, ощетинилась я.

– Нет, – совсем рядом со мной выдохнул он. – Твои хрустальные туфельки выбили меня из строя всего на пару минут. Жаль, что ты быстро бегаешь.

Я ощутила аромат его одеколона. Сладковатый и тяжелый, именно такой, как я люблю, он подчеркивал мужественность сногсшибательного образа и заставлял меня нервничать. Духи дерзкого боксера, с которым меня ничто не могло связывать, вызвали восхищение.

– Так что там насчет пособия? – скользнул взглядом по моей груди, обтянутой белой блузкой с бейджиком, Волков. – Может, почитаем вместе и попробуем его на практике?

– Я похожа на девушку с обложки? – разъяренно бросила ему я.

– Ну-у-у… – он повертел книжку в руках, потом оценивающе пробежался взглядом по моей фигуре. – Мне кажется, ты лучше. Блондинка, к тому же глаза голубые. Та прозрачная шифоновая штучка, что надета на героине с обложки, смотрелась бы на тебе эффектнее.

– Пошел вон! – Совсем как Маргарита Михайловна, рыкнула я.

– Это почему? – обиделся восходящая звезда российского бокса.

– Потому что! Положи книжку на место и убирайся.

– А может, я хочу ее купить?

– Я тебе ее не продам.

– Продашь! Ты здесь для того, чтобы продавать.

– Нет, не продам.

– А ты прикольная, когда злишься, – усмехнулся он.

– Уходи.

– А как же набор закладок?

– Ты их не получишь.

– Получу, – продолжал по-детски упираться Волков.

Именно в этот момент я подняла глаза и увидела приближающуюся к прилавку с книгами Воеводину. Ее сопровождала Алевтина.

Из-за Доронина Алевтину я ненавидела всеми фибрами души. То, что мне не удавалось, раскованная Аля наверстала за первые сутки своего пребывания на

рабочем месте. Она сделала то, что предлагала мне бабушка – взяла Доронина в оборот. А я только хлопала ресницами, как глупая курица. И теперь еще Волков с пошлой книжкой в руках ерепенился у прилавка, вынуждая меня продать ему эту гадость.

– Боже! – визгливо воскликнула Воеводина и впилась в моего мучителя своими маленькими глазками. – Да это же Макс Волков! Мне говорили, что он приехал в город, но я была уверена, что это очередная утка!

Она тут же вцепилась в восходящую звезду российского бокса своими коротенькими толстыми пальцами и потянула на себя. Алевтина восторженно прыгала вокруг них, пытаясь разглядеть звезду получше.

– Вы должны разрешить нам написать вашу автобиографию! – восклицала Анжелика Захаровна. – Это ваш родной город, и наше издательство будет просто счастливо создать книгу про вас. Знаете, что? Сегодня вечером на банкете по случаю десятилетия вы будете самым желанным гостем! Мы возьмем у вас интервью и подпишем контракт на эксклюзивное право продавать книгу с вашей историей успеха!

– Книгу? – брезгливо уставился на Воеводину Волков. Потом стрельнул взглядом в мою сторону и широко заулыбался. – Пожалуй, я подумаю над вашим предложением. А сейчас прошу меня извинить, я не оплатил покупку.

Волков подошел ко мне и всунул мне в руку двухсотрублевую купюру.

– Сдачи не надо, а набор закладок я возьму, – подмигнул мне он.

Сжав кулаки, я затолкала в пакет с пошлой книжонкой закладки и всунула его звезде.

Анжелика Захаровна с новой силой вцепилась Волкову в локоть, не желая упускать шанс пропиарить издательство за его счет.

– Пойдемте со мной, Максим. Нам с вами необходимо обсудить детали.

– Я Макс.

Он снова брезгливо поморщился, потом скользнул по мне взглядом, еще раз лукаво подмигнул и позволил Воеводиной взять себя под руку. Они чинно удалились в направлении веселых горок.

Мое настроение было окончательно испорчено. Если бы не надежда на внимание Доронина, я бы не пошла на банкет. Но мое воздушное платье висело в шкафу и ждало своего часа. Я отдала за него почти всю зарплату и теперь не могла сдаться.

Глава 6. Макс

– Ты можешь хоть иногда делать что-то по-человечески?!

Громогласный голос отца вибрировал в воздухе гостиной ничем не прикрытой угрозой. Я украдкой взглянул на брата. Паника в глазах Кирилла не предвещала ничего хорошего. Не удивительно, ведь наш отец – настоящий психопат.

– Почему ты не сказал мне про собрание?! – продолжал громыхать отец рядом с Кирей. – Знаешь ведь, что с Маргаритой Михайловной шутки плохи!

Кирилл уставился в пол и подавленно молчал.

– Сколько я теперь должен буду заплатить за ремонт школы, чтобы исправить твои двойки по истории?! Позолотить им крыльцо и перила?! Достаточно того, что за наш счет поменяли покрытие на школьном стадионе!

– Хватит уже! – я не выдержал. Психанул, как всегда. – Он сам выучит и сдаст историю! Без всяких подарков!

– Вы только посмотрите… – ядовито произнес отец и двинулся в мою сторону. – Наш мальчик оперился! Теперь он будет рассказывать отцу, как правильно жить!

– Кирилл не страдает слабоумием! А значит, может спокойно сдать историю бесплатно!

Я инстинктивно сжал кулаки. В какой-то момент отец остановился. Он вдруг понял, что связываться со мной опасно: я могу запросто отправить бывшего футболиста, уже давно потерявшего спортивную форму, в нокаут.

– Отлично. У вас одна неделя, чтобы исправить оценки.

Он презрительно фыркнул Кириллу в лицо, задел меня плечом и вышел из гостиной.

Мы с братом обескуражено посмотрели друг на друга.

Да, это моя вина, что на родительском собрании произошло недоразумение. Кто знал, что Маргарита Михайловна – дикий зверь, с которым не работают обычные приемы общения? Я не учился в местной школе, я закончил спортивную гимназию. Там все преподаватели были вменяемые!

Эта бешеная фурия умудрилась позвонить отцу и нажаловаться на меня. В голове не укладывается – на меня, Макса Волкова, восходящую звезду российского бокса, который не сходит с обложек журналов и будоражит колонки светской хроники, пожаловалась съехавшая с катушек училка! Конечно, отец вне себя от злости. Мало того, что мы с Кириллом его обманули, не сказав про собрание, так еще меня оттуда выгнали с позором! А отец – Виктор Волков, бывшая звезда футбола. В серванте гостиной хранятся его медали и золотые кубки, и ему все обязаны поклоняться. Как же он меня бесит! Всегда бесил. Я думал, что, вернувшись домой после долгого отсутствия победителем, завоюю хоть каплю его уважения. Но нет! Даже с успехом и круглыми суммами на собственном счету в банке я являюсь для папочки все тем же неудачником, что и раньше. А теперь еще и дурацкое собрание… Киря попросил сходить вместо отца, ведь две двойки по истории способны привести нашего предка в такую ярость, что он ни перед чем не остановится.

Я пошел туда, чтобы поддержать брата, а вместо этого все испортил.

– Слушай, Кирилл, тебе придется выучить историю, – развожу руками я.

– Я ее терпеть не могу, – хмурится мой брат.

Я вздыхаю. Если бы не та бешеная блондинка в туфельках с бантиками, не было бы ссоры с отцом. Все бы прошло на «ура». Понятно, что за успехи в футболе отец покрывает Кирю в школе, вот все и привыкли, что из Волковых можно бесконечно тянуть деньги на ремонт.

В кармане джинсов завибрировал мой сотовый. Я вытащил телефон и взглянул на экран. Номер высветился незнакомый.

Противный до жути голос в трубке:

– Максим Викторович, вы не забыли про сегодняшнее мероприятие?

– Кто это?

– Это Анжелика Захаровна Воеводина, издательство «Книжкин дом». Мы ждем вас на нашем празднике, Максим Викторович! Я уже выслала за вами корпоративную машину. Через двадцать минут она будет у вашего дома.

– А разве я обещал вам быть на мероприятии? – я начинаю раздражаться.

– Журналисты уже здесь, Максим Викторович. Им не терпится взять у вас интервью. Так что не упрямьтесь. Надевайте смокинг и приезжайте.

Смокинг? Она сказала «смокинг»? Я не ослышался?

Я медленно вспоминаю утро. Ту самую блондинку, из-за которой меня выгнали с собрания, и с которой я повздорил из-за дешевого любовного романа. Для того, чтобы ее позлить, я вляпался в дурацкую историю с этим издательством! У меня нет никакого желания писать автобиографию. Мне нечего сказать. Мой жизненный путь к успеху жутко банален.

– Киря, где отцовские костюмы? – я морщусь, как от зубной боли.

– В спальне, – недоуменно посматривает на меня брат. – А тебе зачем?

– Не спрашивай. Просто, если отец вернется и спросит, куда делся один из его костюмов, скажи, что я взял на прокат. Я не привез с собой официальных вещей.

Я ехал отдохнуть.

– Он не спросит, Макс. Он уехал в свой клуб «Провинциалка». Вряд ли до утра его будут интересовать костюмы из шкафа, – качает головой Кирилл.

– Ладно.

Я поднимаюсь по лестнице на второй этаж, открываю дверь в спальню отца. Здесь все сияет роскошью. Впрочем, как и дом в целом. Отец любит жить на широкую ногу. Если одежда, то самая дорогая. Если тачка, то самая модная, последней модели. Если мебель, то самая лучшая.

Я распахиваю зеркальные дверцы огромного гардероба, и озадаченно замираю. М-да, чего здесь только нет. Несколько минут я перебираю брендовые отцовские шмотки, а потом останавливаю взгляд на стильном спортивном пиджаке песочного цвета. Пиджак из замши и классическая светлая рубашка. Нет, что ни говори, а я терпеть не могу деловой стиль. Мамочка научила меня разбираться в мужских шмотках. Главное, чтобы манжеты рубашки выглядывали из рукавов спортивного пиджака на полтора сантиметра. Под спортивный пиджак можно смело надевать джинсы. Это модно и смотрится неплохо. На банкете по случаю десятилетия никому не известного издательства будет самое то.

Я переоделся в шмотки отца, покрутился перед зеркалом и усмехнулся. Да уж! Красавчик и миллионер Макс Волков не взял с собой стильные вещи и теперь вынужден пастись в шкафу у своего предка.

– Макс! – послышался громкий голос Кирилла из холла. – Там за тобой машина пришла, Макс!

Мероприятие в ресторане не обойдется без моего присутствия. И все из-за блондинки в хрустальных туфельках, будь она неладна. Кажется, я запомнил ее имя. Ее зовут Оля.

Я захожу в свою комнату, обильно поливаю себя дорогим одеколоном, еще раз смотрю в зеркало, чтобы убедиться в собственной привлекательности, и уверенно спускаюсь вниз.

– Учи историю! – грозно бросаю брату, после чего выхожу из дома.

Корпоративная машина уже стоит у ворот. Водитель приветливо улыбается, услужливо открывает мне дверь добротной иномарки и приглашает внутрь салона. Видимо, его предупредили, что меня надо доставить на банкет любой ценой. Мне ничего не остается, как уступить, и я сажусь в машину.

На самом деле я ненавижу людей, которые за счет моего имиджа пытаются привлечь внимание к своему бизнесу. Госпожа Воеводина именно из той гвардии, и мне совсем не по душе ее приглашение. Но машина уже несет меня в центр, в дорогущий по местным меркам ресторан «Банкет-Холл», где журналистам неймется взять у меня интервью. Мне с трудом удается подавить глухое раздражение – я не имею ни малейшего желания писать книгу про свой успех. Надо будет пропиариться за счет издательства и потихоньку смыться. Никаких книг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/buzakina_yuliya/millioner-parizh-i-tufel-ka

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити